

Автограф Пруста на обложке

В истории возвращения похищенных в годы войны книг открылись новые страницы

Очень скоро Национальная библиотека въедет в новое здание. В чудо—«алмаз» начнут двигаться транспортные колонны: со всеми сокровищами главного хранилища знаний — восьмью миллионами книг общим весом 2,5 тысячи тонн. Многие раритеты опять будут в пути, как шестьдесят лет назад, когда фонды тогда Государственной библиотеки БССР имени В.И.Ленина возвращались из Германии. Тысячи переедут в новое жилище пока неисследованными, храня еще немало тайн с тех времен...

Все, что осталось

1.700.000 книг — «жертва», принесенная «Ленинкой» на алтарь в годы войны. В письме председателя СНК БССР Пантелеймона Пономаренко Молотову перечислялись потери госбиблиотеки: кроме 750 тысяч книг, весь газетный фонд, полностью отделы белорусики и гебрайки — последней 40 тысяч томов.

Сразу после освобождения сложно было сказать, что уцелело в Минске. Потом подсчитали: 320 тысяч наименований из двухмиллионного довоенного фонда.

Особо не надеясь на чудо, тогдашний директор библиотеки Иосиф Симановский просил Пономаренко «пробить» в верхах свою, скажем так, весьма оригинальную идею компенсации Минску — передать нашей «Ленинке» книжные собрания Кенигсберга и Бреслау (сейчас — Вроцлав). Вместе это как раз составило бы более двух миллионов книг, десятки тысяч средневековых манускриптов, в том числе не одну тысячу инкунабул. Идея не нашла поддержки в верхах.

Коллекция довоенной белорусской печати восстанавливалась с помощью Государственного книжного фонда СССР. Тот еще в 1944 — начале 1945 года поделился с Минском некоторыми своими «запасами». Можно сказать, судьба библиотеки больше всего волновала Пономаренко, директора Иосифа Симановского и журналистку Марию Ваганову. Мария Михайловна до самого начала войны работала в «СБ», придя в газету в 1937 году, как раз тогда, когда та переименовывалась из «Рабочего» в «Советскую Белоруссию». Возглавляла Группу культуры белорусского правительства. Тогда и занялась поиском книг.

Место встречи изменить нельзя

В Германии белорусские книги, похищенные нацистами, лежали вперемешку с такими же «бедолагами» из Франции, стран Балтии.

...Житель Таллина Юлиус Генс в свое время имел одну из лучших коллекций книг по искусству в Европе. В январе 1942 года ее конфисковали оккупационные власти. Как выяснила американская исследовательница Патриция Кеннеди Гримстед, сам Розенберг отдал приказ об изъятии — он положил глаз на собрание Генса еще со времен своей учебы в университете в Тарту. Генс в первые дни войны покинул родину, эвакуировался с семьей в Ташкент, поэтому о судьбе своих книг мог лишь догадываться. Вскоре после возвращения домой скитальца репрессировали (в Эстонии Генс возглавлял филиал шведской спичечной фабрики). В 1955 году он случайно узнал, что книги уцелели. И находятся в белорусской столице.

Собрание Генса нацисты переправили в глубь рейха. Большая часть, шесть тысяч томов, осела в городе Ратибор (Рацибуж, южнее Вроцлава). На сегодняшних «минских» экземплярах до сих пор стоят зловещие штампы айзатцштаба рейхсляйтера Розенберга, занимавшегося грабежом культурных ценностей по всей Европе.

Книги из «Ленинки» гитлеровцы стали переправлять в Германию в начале 44-го года. В апреле 44-го 17 вагонов с 200 тысячами томов загнали на бывшую сигаретную фабрику в 5 километрах от Ратибора. Здесь уже лежали книги Генса вместе с другими коллекциями из стран Балтии и России. А в ноябре сюда же попала и знаменитая тургеневская библиотека вместе с другими собраниями из Парижа и Амстердама. Через полвека тургеневские фолианты отыщутся в Москве — 20 тысяч экземпляров, часть хранится и в Минске. А считали, что они сгорели в пламени войны...

Всего в Ратиборе немцы собрали более миллиона чужих книг — сотрудники штаба Розенберга отнимали их в оккупированных странах.

Рисунок Шагала за сапоги

На бывшей территории Германии, кроме Ратибора, белорусские фолианты нашлись в Легнице (Лигнитце) и Мысловицах. В Мысловицах миллион триста тысяч книг из «Ленинки» охраняли лишь два красноармейца. Поэтому библиотека понемногу разворовывалась.

Многие книги попали в Америку и Израиль, преимущественно еврейские издания, из тех сорока тысяч, которых не досчитались летом 44-го Симановский и Пономаренко. Много уходило «с рук», через солдат, как «разменная монета» — за сигареты, сапоги.

Позже Мария Ваганова жаловалась в письме Пономаренко: «По указанию Зам. Начальника Политуправления Северной группы войск Полковника Дьяченко эта литература используется для комплектования армейских библиотек. Причем из всей литературы, запакованной в ящики и скомплектованной по отделам, выбирается художественная, политическая, энциклопедическая и проч., наиболее ценная литература».

Ваганова не раз просила Дьяченко «прекратить разбазаривание литературы», поставить охрану, пока придут вагоны для отправки книг в Минск. Но безрезультатно. Полковник считал белорусские книги трофеем (свое же, советское...), все время отговаривался: дескать, «не может оставить воинские части без литературы». Вагон книг Дьяченко все-таки отправил в сторону Минска, но... транзитом — конечным его пунктом была Москва.

Только личное вмешательство Пономаренко решило проблему. В ноябре 1945 года спасенные книги доставили 54 вагонами в Минск.

На полку, в спецхран и...

Из прибывшего в Минск лишь половина была собственно белорусская, где-то 400 тысяч книг.

Сегодня уже известно, что в НББ хранятся фрагменты разных западноевропейских частных собраний, оказавшихся рядом с фондами «Ленинки» в Германии. Так, в Минске оказались фрагменты библиотеки семейства Ротшильдов, издания, украшенные автографами Андре Жида, Поля Валери, Марселя Пруста, Сальвадора Дали, Марка Шагала и Пабло Пикассо.

Из иностранной литературы в основной фонд пошло 300 тысяч, часть попала в спецхран. Причем многие книги изымались как «идеологически неприемлемые».

Но это после, а пока стоит другая проблема — как разгрузить вагоны. И куда перенести книги.

Что-то на время сохранили в Доме правительства, на складах Белглавснаба, подогнав к ним состав с литературой по проложенной еще немцами железнодорожной ветке от станции Минск–Товарный. Сам Симановский носил книги на шестой этаж «белого дома». В дождь, в стужу... Не хватало рук.

25 декабря 1945 года Пономаренко приказал срочно разобрать и перевезти книги в «Ленинку», для чего выделял 300 литров бензина ежемесячно и отдал в распоряжение библиотеки одну машину «Форд» — «для переброски отобранных книг». Управлению по восстановлению Минска «предложено» не позднее 15 января наступавшего года «закончить полностью ремонт библиотеки» и через неделю запустить систему отопления.

Без окон, без дверей

В ноябре 46-го библиотека собиралась отметить 25-летний юбилей. Она не только поднялась на ноги, но и помогала другим — книги посылались в Брест, Борисов, в вузы республики. Немного — что могли позволить «оторвать» от себя.

Замсекретаря парторганизации библиотеки, классик белорусской библиографии, Нина Борисовна Ватаци писала, что здание было совсем непригодным для работы: «...Без окон, без дверей, все комнаты были перегорожены на маленькие конурки. Мы своими силами приводили все в порядок. Сами разбирали стены, сами стеклили... все сотрудники, не считаясь с временем, работали по восстановлению здания... с 8 часов утра до 10 часов вечера... с действительным воодушевлением».

Проблемы решались, однако за ними наступали новые. Топливом, выделенным «Ленинке», втихую пользовался гараж ЦК, отнимавший «большое количество тепла». В здании до сих пор не были открыты уборные, а вместо этого посетителей выпускали во двор (!), «где нет никакого контроля и читатели могут вынести книгу». В результате — «книги пропадают очень часто».

«Повисло в воздухе» книгохранилище на Долгобродской (бывший и нынешний костел

Святого Роха), на которое уже были доставлены лесоматериалы, да все еще не приходили ни железо, ни цемент. Надеялись, но не успели к июлю отремонтировать большой читальный зал.

Но было главное — книги. За два года восстановились довоенные фонды — до двух миллионов экземпляров. Каждый день в читальные залы приходили по шестьсот человек, через год — уже тысяча. В 47-м сформировался старопечатный фонд — 15 тысяч томов. Жизнь налаживалась. А книга жить помогает.

Прямая речь

Татьяна Рощина, главный библиограф отдела рукописей, старопечатных и редких изданий Национальной библиотеки Беларуси:

— Во время оккупации была разграблена и уничтожена большая часть фонда библиотеки — 83 процента, как свидетельствует акт от 12 марта 1945 года, составленный после упорядочения и расстановки сохранившихся книг. После войны в Минск вернулось 600 тысяч томов, около миллиона пропало бесследно, в том числе рукописи, старопечатные и другие редкие издания. Тот, кто в разрушенном голодном и холодном Минске разбирал привезенные из Германии книги, радовался как возвращенным в родные стены экземплярам, так и привезенным для компенсации за утраченное. Моральным оправданием было то, что мы заплатили самую большую цену за победу в войне. Кстати, существует четкое отличие во взглядах на проблему трофейных фондов работников библиотек, потерпевших во время войны, и тех, кто получил их как бы «дополнительно» к своим сохранившимся фондам: ни одна из разворованных библиотек не предлагает безоглядного и безусловного возвращения. Многие из культурных ценностей «западного» происхождения, попавших в СССР после войны, было возвращено их прежним владельцам. Взамен было получено мизерно мало. Для того чтобы искать, необходимо знать, что искать. К сожалению, мы не всегда знаем, что потеряли. Пропали как сами книги, так и во многих случаях учетные документы. Впереди кропотливая работа по созданию каталога утраченных культурных ценностей.

[Виктор КОРБУТ](#)

[Виталь СКАЛАБАН](#)